

Иван Ветров

В некотором царстве, в некотором государстве, именно в том, в котором мы живем, жил-был один царь; и задумал он построить дворец. Ну, давай всех собирать — плотничков, работничков, словом, всех мастеровых людей — кузнецов, слесарей, столярей. Было объявлено так, чтоб каждый пришел и свое рукоделье принес (выставку, значит), как чо делат. Ну, кто шел, тот и нес свое рукоделье: кто стульчик, кто диванчик, кто сделал дворец, одним словом — кто чо умел. Один плотник пришел и за собой журавлика привел. Царь удивился, а он ему похвалятся: «Сяду и полечу, куда хочу!»

Ну вот, сел он и прокатился; ковды стал его крутить — он подыматся, подыматся — и улетел. Облетел сколь, вернулся, журавлика поставил, и все сели за пир на постройке дворца.

А у царя был сын. Он видел, как он садился, повертывал винт, как подымался журавлик. Они там пируют, а он сел на журавлика, повертел и полетел; что боле вертит, то дале летит. Потом вдруг нечаянно повернул в другу сторону, журавличек давай опускаться. То поднимался все выше и выше, а теперь стал опускаться все ниже и ниже, потом вдруг видит уже и землю, видит и город, и башни, и все. Спустился как раз на окраине города. Ну, потом зашел в маленьку избушку. Там жила одна старушка. Он попросился к ней ночевать, а журавличка поставил за городом, нашел такб укромно местечко. Старушка пустила ночевать, накормила, чем бог велел. Он потом попил чайку, вышел на улицу и пошел по городу. На большой улице, где государский дворец, смотрит — там плотники, рабочие, кто кует, кто кладет — строят каку-то возвышенность. Он приходит домой и спрашивает: «Баушка, что за постройка у вас така идет?» — «Ой, батюшка, ой, дитяtko, тут пьяный один в кабаке сказал, что царская дочь забеременит и родит неизвестно от кого. Дак вот, батюшка, царь приказал выстроить такую башню, чтобы никто не заходил, не забегал туда, и посадят ее туда». — «А чо-де, баушка, долго будут строить-то?» — «Всего три дня, батюшка». — «Ну, — думат, — я подожду».

В три дня башня готова, и царевна там. Посадили туда царезну, к ней ходить будет только одна старая мамка, и тоё поднимают туда только по блоку. Ковды подсаживают, дак и ее кругом осматривают.

Вечером царевну посадили в башню, а пьяного в тюрьму, а ночью царевич сел на журавличка и залетел к ней на башню. Там была сделана така площадка, чтоб можно было ей прогуливаться. Он поставил журавличка на площадку, сам зашел в Башню — царевна спала. Видя, что она спит, а на столе стоят тик и разны закуски и вина, чего только душа желат, он подходит, нальет из каждой бутылки по рюмке, выпиват и закусыват. Ковды выпил, закусил, и отправился домой к старухе. Вышел к своему журавличку и думат: «Какой я дурак! Был на такой высоте и не коснулся ее; дай я хоть тело до колен посмотрю!» И ходит. Поднял одеяло, посмотрел ноги до колен, повернулся и вышел. Сел на журавличка и полетел. Поставил журавличка на свое место, сам к старухе и лег спать.

Утром поднимают на башню няньку к царевне и осматривают ее с ног до головы. Ну, подняли. Она одела царевну, а она ей была во всем верна, и спрашиват ее: какой сон она видела? «Нянечка, нянечка, сон ли я видела, не сон ли я видела, уж не знаю как!» — «Ну, расскажи, моя деточка!» — «Будто как я спала ли, не спала ли, вдруг зашел неизвестный человек, взошел прямо в мою комнату, подошел к столу, налил из всех бутылок но рюмке, выпил и ото всех закусок закусил, потом вышел было, и потом вошел назад, поднял одеяло и мог видеть моего тела до колен». — «Конечно, это сон, деточка», — «Ежели бы, няня, это сон, то ковды утром я встала и посмотрела, то ото всех бутылок отбавлено и от каждой яствы отрезано». — «Ну, — говорит мамка, — жди, чо будет на другу ночь».

Ну, днем царевна прогуливалась на площадке, забавлялась с мамкой, потом ее мамка раздела, уложила в постель, и ее сняли по блоку, осмотрели — нет ли чего передачи от царевны.

Ночью царевич вывел своего журавличка, сел на него и полетел на башню; журавличка оставил на площадке, а сам опять пошел к царевне в башню. Она спала. Он опять подошел к столу, налил из всех бутылок вина, только не по одной, а по две рюмки, выпил и закусил от всякого кушанья, как следует, и пошел на площадку да и думат: «Да чо я за дурак! Поднялся так высоко, так неужели я не могу ее тело посмотреть до пояса?» Воротился, поднял одеяло, посмотрел до пояса. Потом сел на своего журавличка, полетел за город, поставил его в укромном местечке и пошел в избушку к бабушке, лег спать.

Ну, потом, ковды няньку подняли к царевне, она ее спрашивает: «Ну, как?» Царевна рассказывает, что все было так же, только выпил по две рюмки вина и тела моего он видел до пояса. «Ну, моя деточка, царевна моя прекрасная,

сегодня ночь не поспи, посмотрим — что будет».

Приходит третья ночь. Царевич так же прилетел на журавличке, так же вошел в комнату царевны, так же выпил и закусил, только из каждой бутылки пил по три рюмки и ел, сколько хотел. Ковды пошел, опять думат: «Был на такой высоте и не мог посмотреть ее тело до груди». Вернулся, поднял одеяло — она цоп его за руку: «Постой, голубчик мой!»

Ну, ковды схватила его за руку, потом встала, и стали они разговаривать и сразу влюбились. Она была красива, и он красавец. Она снимат с руки перстень свой, ему отдает, а он ей отдал свой перстень. Потом сделали сношенье, он распрощался, сел на журавличка и улетел, и к старухе больше не зашел.

Ковды утром нянька пришла, она ей не сказала ничего. Время идет; ковды у ней должно быть на себе, нянька ее спросила: «Почему нет?» Она говорит: «Нянечка, так и так было дело».

Мамка пошла, доложила королю.

Раз понесла, ее сняли с башни, раз готова, а пьяницу выпустили на волю.

Потом сколь время прошло, пришло время родить. Родила царевна сына, царь с приближенными думат: каково имя дать и фамилию? По дедушке нельзя — позорно, что в царской фамилии родился без отца. Подумали, подумали и надумали дать ему имя Ивана Ветрова — что жила на такой высоте, гуляла по площадке, ветром надуло.

Царевна стала жить да поживать, а сынок подрастать, и стал порядошной, стал выбегать на улицу играть с ребятами. Где что с ним не поладят, они ему кричат: «Эй, Иван Ветров! Тебя ветром надуло!» Он придет к матери, плачет: «Мамочка, так и так». Сама приголубит его, приласкат, да и сама заплачет.

Вот ему уже шестнадцать лет, он учился и тоже приходит к матери разобиженный, рассказывает — так и так с ним поступают товарищи. Она тожно сымат перстень с пальца и говорит: «Вот что, сыночек, ты теперь в годах, вот тебе перстень, иди на все четыре стороны».

Взял он перстень, простился с матерью и ушел.

Шел, шел, сколько там, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Машины раньше не было. Пришел он в како-то царство, в один город.

Знакомых никого, он и выпросился на квартиру к одному портному. Он мало-мальски портняжил. Иван Ветров стал его просить: «Дядюшка, научи меня».

Портной стал его учить, он понял быстро, стали вместе шить. Заказы да заказы, одни не унесут, а десять новых принесут. Все шпорят: «Какой красавец портной!»

Из-за Ивана Ветрова прославился портной на весь город и даже на всю империю. Уж он не один шил, а уж у него мастерсрека.

Вдруг, не то царь, не то князь какой-то там был, просватал (вою дочь; ей надо заказывать подвенешно платье. Вот и отдали наказ этому портному, и ей на примерку надо ехать к нему. Ну, кожды приехала, Иван Ветров взглянул на нее и говорит: «Не нужно мне сымать мерку: у меня глаза — мерка!»

Он никого не мерил. Скроил и говорит: в столько-то часов приезжайте в такой-то день. Ей ночь не спится, покою не дает работа, как бы опять поехать к портному. Утром говорит: «Папаша, вот мне надо съездить на примерку к портному», — «Ну, так поезжай».

Она съездила, примерила, приёзжат и говорит отцу: «Платье до такого-то дня не будет готово, надо свадьбу отложить».

Потом в третий раз ехать хочет. «Папа, я поеду, а если не готово, то час-два подожду». — «Ну, что же, подожди».

Она поехала. Ему так шагов 17-18 осталось да петли прометать и пуговицы пришить. Он было заторопился, она говорит: «Не беспокойтесь, я могу подождать час или два».

У него тоже пошло дело по-другому, он до страсти влюбился в нее. Где он жил, он был один в комнате; она ему и сказала несколько слов, и вдруг они слились в один поцелуй. Ну, кожды она сидела у него на коленях, забыла о княжеских приличиях, только и думала об одном: «Я за этого жениха не пойду, приеду домой, скажу папе, что я заболела, не могу, свадьбу отложат».

Вдруг в это время отворилась дверь, она у него на коленях, — входит жених и ее родной папаша. Того за сердце задело: какой-то молодой щенок и отбиват его невесту; портной — а он царь ведь, это конфуз большой!

Присудили Ивана Ветрова к смертной казни, на виселицу. Этот самый [жених] не доверят никому, чтоб не было измены, [приказывает] на его глазах повесить. Не говорят, за что повесят, что его княжна полюбила, а что будто он насильно склонял княжну. За это милости никакой нет.

Поставили виселицу, завели его на подножку, он и говорит: «Дайте мне слово сказать — проститься». — «Можешь». — «Что же, нельзя мне было княжну полюбить, ежели я простого роду?» — «Нельзя». — «А ежели бы я был царской фамилии или царского поколения?» — «Тожно можно любить и вешать нельзя».

Тожно достает он из кармана вид и подает, а [царь] со злости подошел сам брать. Ковды он руку протянул, царь взглянул на его руку и увидел свой перстень. Он покачнулся, руки задрожали, и документ выпал из рук. Он тихо спросил: «Молодой человек, где достали вы этот перстень?» Он прямо и гордо сказал: «Перстень родной моей матери, а матери подарил неизвестный человек, которого до сих пор не знат, где он — мать моя, а я не знаю — что за отец мой». Он к нему наклонился и нежно и ласково сказал: «Я вижу, что ты сын мой, и черты лица — твоей родной матери! Ну, скажи мне, из какого ты государства, в чем и как находится твоя мать?»

Он ему рассказал. Сейчас гонцов отправили за матерью. Ковды сказали матери, она со своей свитой, которая у ней была, отправилась.

И вот в один день и в один час венчались две свадьбы — отца и сына. Задали большой пир на весь мир. Я там была, мед ела и вино пила, по губам текло, а в рот не попало.

(Зап. от Е. И. Чичаевой, 49 л., д. Заледеева Красноярского округа, в 1929 г.)

Сказки Красноярского края. Сборник М. В. Красноженовой. Под общ. ред. М. К. Азадовского и Н. П. Андреева. Л., 1937.

Читайте также “**??? ??????: ??? ?????? ??, ????? ?????????**”.